

КРИТИКА ЧИСТОЙ РАДОСТИ. НЕ ПО КАНТУ

Сколько бы ни твердили либеральные СМИ про «жалкую кучку православных маргиналов», даже невооружённым глазом можно увидеть, что в наших храмах народу заметно прибавилось. По воскресеньям в больших церквях и то порой бывает тесно. А в небольшие просто невозможно войти. И это, конечно, радует, хотя и создаёт личные неудобства. Но вместе с тем новая ситуация породила новые нештучные проблемы. Об одной из них мы решили написать.

Ирина Медведева

Непростая история

Обычно к Богу и, соответственно, в церковь приходит сначала один член семьи. Чаще женщина. Кто знает, почему? То ли женщина от природы чувствительней, то ли сердце её размягчено любовью к детям, а потому больше готово воспринять христианскую проповедь любви. То ли она острее переживает всякие семейные беды и больше нуждается в поддержке... Гадать не будем, но факт остаётся фактом: первой чаще воцерковляется мать семейства.

И тут начинаются осложнения. Постепенно обнаруживается, что православному человеку мало просто ходить в храм, ставить свечки, писать записки и даже регулярно участвовать в церковных таинствах. Он должен менять свою жизнь. И чем глубже человек проникает в суть православия, тем яснее ему становится, что изменения должны быть кардинальными, ибо современная жизнь — вся целиком! — построена на неправославных, а зачастую и антиправославных основаниях. И если всерьёз заботиться о спасении души, то — вспомним название популярного перестроечного фильма С. Говорухина — «так жить нельзя».

Поэтому новообращённая женщина пытается свой образ жизни поменять. Но поскольку живёт она не сама по себе, такие перемены не могут не затронуть членов её семьи. В результате возникают конфликты, ведь её родные считают, что нельзя жить иначе. А только «так» жить можно и даже следует.

Муж, например, уверен, что нужно каждый день есть мясо. Какие могут быть посты у человека, который ежедневно ходит на работу?! А дети — те от постов просто загнутся. Это ж растущие организмы! Как они развиваться будут без животного белка?

Татьяна Шишова,
психологи,
члены Союза
писателей России,
соучредители
Фонда социально-
психологического
здоровья семьи
и ребёнка

Ну, тут, предположим, можно возразить, что пост — дело индивидуальное, вопрос личного благочестия. Она вольна откататься от скоромного, а муж с детьми пускай едят гуляш и котлеты. Дескать, мир в семье важнее. Но вот супружеские отношения предполагают уже участие двух сторон. И если вторая сторона категорически не желает воздерживаться, а современная культура прямо-таки нашпигована страшилками о вреде воздержания, то между мужем и женой вспыхивают ссоры, грозящие разводом. «Мало того, что я от твоего православия психом стал, так ещё простатит заработаю, если не хуже. Спроси у любого врача, журналы почитай, везде говорится, что это прямой путь к онкологии!»

Дети тоже недовольны и вообще подозревают, что «у мамашки отъехала крыша». Восемилетнему сыну она теперь не даёт бить компьютерных монстров, смотреть фильмы с Джеки Чаном, читать «Гарри Поттера» и даже — ну, это полный маразм! — играть в динозавров, киборгов и покемонов. Дочь-студентка имеет свои претензии. То мать «доставала» её недовольством по поводу ночных клубов и отношений с парнями. Теперь, казалось бы, радоваться должна, что девочка остепенилась, живёт гражданским браком... Так нет, опять плохо! Постоянный партнёр — это, видите ли, тоже грех. Дед с бабушкой — и то гораздо современнее. Говорят: «Правильно! Испытать надо сперва друг друга. Это мы, как дураки, год ходили за ручку, а потом сразу в ЗАГС». Бабуля даже буклет принесла из районной поликлиники — «Всё о контрацепции». Золото, а не старушка! Всё понимает, как надо».

Но бабушка с дедушкой переживают не только за внуков. Старшая внучка хотя бы живёт с бой-френдом отдельно. А они вынуждены, сосуществуя с дочерью под одной крышей, терпеть все её выкрутасы. Особенно по вечерам, когда хочется спокойно посмотреть телевизор. Столько интересного сейчас! Не успеваешь переключать с одной программы на другую. И ток-шоу, и реалити-шоу, и кино, и авторские программы, и новости каждый день неожиданные, яркие. Весь мир как на ладони. У старика руки-ноги болят, он из дому практически не выходит. Как ему жить без телевизора? Отец в дочке души не чаял, ничего для неё не жалел, и вот благодарность... Хочет, чтоб он от тоски в гроб лёг раньше времени. У неё теперь другой отец — отец Фёдор. Она его слушает. Уж если на то пошло, Господь велел родителей слушаться, а не попа. Ах, ребёнку, видите ли, вредно смотреть современные передачи! А расти, как в джунглях, не зная реальности, не вредно?

Женщина терпит, молится, исповедуется. Батюшка говорит «не обострять». Но ведь не всегда это возможно. Разные бывают ситуации... Скажем, любая попытка ограничить компьютерные игры кончается бурным скандалом. Сын, истерически рыдая, бежит к бабушке с дедушкой. Те при ребёнке кричат, что она не мать. А муж, который никогда особо не жаловал тёсту с тещей, теперь в таких конфликтах всегда на их стороне. Он от-

вергает любые попытки что-либо объяснить, почитать литературу о вреде компьютера для детской психики. И хотя она даже не заикается о православии, итог семейных конфликтов неизменен: крики про «попов» и оскорбления церкви.

Ну, а уж если она приходит с литургии, да ещё причастившись, то домашние будто с цепи срываются. Причём это совершенно не зависит от того, как она себя ведёт. В воздухе плотным облаком повисает раздражение, и как ни реагируй, обязательно разразится гроза.

Вскоре ей начинает казаться, что вся семья её ненавидит. И вот однажды вечером, когда дом засыпает, наша героиня достаёт из сумочки православную газету, купленную в церковной лавке. И обнаруживает статью «На приёме у психолога». А ей к тому времени действительно в пору обратиться к психологу. Она жадно вчитывается. Ещё бы! Ведь пишет-то не просто специалист, а православный психолог! Именно то, что ей так необходимо...

В статье приводится случай, чем-то похожий на её собственный. «Была красивой женщиной, следила за собой, хорошо одевалась». Так и она любила модные вещи. Некоторые даже принимали её за художника-модельера... «Семья была дружная — хороший муж, успел сделать неплохую карьеру, послушные дети. И вот сейчас вся семья разваливается».

Так и у неё была хорошая семья! Вечером все собирались за столом, что-то друг другу рассказывали, потом смотрели телевизор (чтобы не ссориться, их в доме было целых три). В субботу отсыпались, ездили на оптовый рынок за продуктами, вечером ещё успевали прибраться, постирать. В воскресенье, конечно, тоже спали вволю, потом шли с ребяташками в парк, в лес, в кино, иногда в театр, а то и на какую-нибудь интересную выставку. А с мужем любили вдвоём закатиться к друзьям, бывало и до утра. Муж-то человек компанейский, мастер рассказывать анекдоты, острить. Если шли к тем, у кого есть дети, то брали и своих. Только дочь подросла

и стала предпочитать компании сверстников — родился сын. В гостях взрослые за столом общались, а дети резвились, смотрели мультики про ниндзей-черепашек, человека-паука, рейнджеров, играли в компьютерные игры. Короче, все были довольны.

Конечно, всякое бывало — обиды, ссоры. Доходило даже до слёз. Но мир восстанавливался как-то удивительно быстро. А после примирения всё шло так, будто никогда и не ссорились. А сейчас... сейчас между ней и её близкими стеной встала непримиримость. Она жадно поглощала печатный текст. Но дальше возникал какой-то окарикатуренный образ, с которым уже трудно было полностью отождествиться. В статье внушалось, что придя к вере, многие женщины опускаются, даже причёсываться перестают, ходят в невзрачных балахонах, прекращают вкусно готовить и буквально силой заставляют близких поститься. Наша героиня вроде бы такой не стала. Хотя, конечно, одевалась теперь скромнее. Раньше они с мамой могли часами обсуждать рецепт какого-то нового блюда. Сейчас ей это казалось глупой суетой.

Но что она, увлекшись церковной жизнью, перестала выполнять обязанности жены, матери и хозяйки — этого сказать было нельзя. И поститься она силой никого не заставляла. А вот позиционная война, о которой говорилось в статье, разгорелась в полной мере.

До сих пор наша героиня думала, что это искушения, неизбежно возникающие, когда человек приходит к вере. Об этом ей говорили и бабушка, и женщины, с которыми она познакомилась в храме. И в какой-то книге она прочитала, что пока человек живёт, как живётся, не задумываясь о Боге и греховности своей жизни, бесы его не трогают. Зачем? Он и так их «кадр». А вот если он пытается спастись, тут они ополчаются и хотят его уязвить побольнее. А как легче всего уязвить семейного человека? Естественно, через семью.

Но из статьи выходило, что тяжёлая атмосфера, возникающая в доме, — это результат её неправильного воцерковления. Что это, наоборот, она стала искушением для своих близких, которые поначалу относились к церкви нейтрально, а теперь из-за неё ненавидят всё, связанное с православием. «А должно быть иначе, — говорилось в статье. — Мамочка воцерковляется — и всем в доме становится лучше: обеды вкуснее, дома чище, ругани меньше, радости больше». И ещё напоминалось, что радоваться призывали апостолы.

Статья повергла женщину в горестное недоумение. «Чему же я должна радоваться? — в растерянности думала новоначальная христианка. Муж засыпает с включённым телевизором, под звуки выстрелов и сексуальные стоны. Дочь живёт с любовником и травится контрацептивами. Сын, подражая папе, грубит и уже не мыслит жизни без телевизора и компьютера. А папа, еле переживший второй инфаркт, слышать не хочет об исповеди и только лихорадочно ищет какие-то новые способы оздоровления, даже к экстрасенсам готов обратиться. Разве можно с философским спокойствием смотреть, как самые любимые, самые близкие тебе люди гибнут, да ещё радоваться? Но ведь это пишет авторитетный православный психолог. Значит, я просто плохая христианка...

И она изо всех сил пытается выполнять советы психолога. Ведь у истории, описанной в статье, такой счастливый конец! То сын хотел покончить с собой, а когда мать перестала на него давить, сам быстро воцерковился, стал хорошо учиться и ездить в паломнические поездки.

Конечно, всё в жизни бывает. В том числе и такой хэппи-энд, больше, правда, напоминающий концовку святочного рассказа. Может быть, и наша героиня, перестав обращать внимание на далёкий от христианских норм образ жизни своих домашних, сосредоточившись на ещё более вкусных, чем до воцерковления, обедах и начав регулярно посещать косметический салон, дождалась-таки, что сын её добровольно, «по любви» отказался от компьютерных игр и переключился на чтение Библии для детей. Родители выбросили телевизор и теперь слушают «Беседы пастыря» по радио «Радонеж», муж умерил свои разносторонние аппетиты и регулярно ходит на исповедь в храм, который к тому же бесплатно ремонтирует в свободное время, а дочка вынула кольцо из пупка, надела его на палец в качестве обручального и в кратчайшие сроки стала добродетельной матерью четверых детей.

Но и реальность вокруг, и наш не такой уж маленький профессиональный опыт прогнозируют другую динамику. Скорее, сын, которого мама перестанет «доставать своей церковью», перейдёт на следующую ступень компьютерной зависимости, повадившись играть за деньги в компьютерном клубе. Да и супруг, сравнивая свою наивно прихорошившуюся «мамочку» с сексапильными «девушками без комплексов», лицезрением которых он привык в последние годы горячить свою кровь (ведь далеко

ходить не надо — только включи телик, раскрой журнал, выгляди в окно и полюбуешься на огромный рекламный щит), вполне вероятно, найдёт себе кого-нибудь помоложе, позадорнее и обретёт мужское счастье на стороне.

Дальше для краткости наметим пунктиром. Папа, которого в русле этой гуманистической концепции лучше не раздражать упоминаниями о Христе — он ведь старый, больной, прожил трудную жизнь, — умирает, так и не переступив порог храма (впрочем, и на это уже выработано утешение: он был хороший человек, ему зачтётся). Дочь после двух «пробных браков» с головой погружается в зарабатывание денег, и у неё уже ни на что нет ни сил, ни времени.

«Поговорим о чём-нибудь приятном...»

А всё же, в чём тут дело? Апостол-то и вправду призывал радоваться (1 Фес. 5:16). И сам Господь учил: «... когда поститесь, не будьте унылы как лицемеры» (Мф. 6:16). Но почему же лицемерием веет как раз от современных призывов к всегдашнему радованию? И почему то, что говорят иные православные психологи и миссионеры, так напоминает советы наших и зарубежных либералов? Ведь, казалось бы, православие диаметрально противоположно либерализму. А тем не менее, в этом пункте они странным образом сходятся.

Помнится, одна тележурналистка, у которой сын стал наркоманом, совершенно серьёзно уповала на «терапию радостью». Специалисты, обучавшие несчастных родителей такой «технике» на соответствующем семинаре, говорили, что взрослым ни в коем случае нельзя прибегать к наказаниям или запретам. Даже недовольного выражения лица у них быть не должно, если они хотят вытащить ребёнка из наркозависимости. Нужно просто перекрыть положительными впечатлениями негатив, толкающий молодых людей к психоактивным веществам. «Побывав на семинаре, я полностью поменяла линию поведения, — рассказывала журналистка, мать двадцатилетнего наркомана, — и стараюсь почаще устраивать дома маленькие праздники: вкусный торт, ужин со свечами... Главное — никаких нотаций, чтобы не портить ему настроение, не вызывать депрессию...»

Мы спросили: «И как? Помогает?»

— Пока не очень, — вздохнула она. Но тут же улыбнулась, видимо, вспомнив семинарский тренинг, и добавила: — Но наши отношения стали менее напряжёнными. Я ведь теперь его не напрягаю. Так что уже есть чему радоваться.

А вот «круглый стол», проводившийся то ли филиалом партии «Яблоко», то ли какой-то другой подобной организацией. Тема — «Ребёнок и компьютер». Однако даже самые осторожные высказывания насчёт компьютерной зависимости вызывают острую реакцию. «Что вы, что вы! Разве можно вернуться в каменный век? Да, в Интернете много порнографии, но с этим ничего не поделаешь, у нас открытое общество, и оно имеет

свои издержки. Зато ребёнок-инвалид может, не выходя из комнаты, побывать в Лувре, посетить Диснейленд, увидеть мир. Радоваться надо таким потрясающим новым возможностям, а Вы всё видите в чёрном свете...»

Или вот такая зарисовка. «Что Вы говорите? Какая информационная война? Да, Вы правы: в подростковые журналы страшно заглянуть. Там и ужасные непристойности, и уродливый жаргон, и реклама наркотиков. Ну, так Вы и не заглядывайте! Детей жалко? Ну, так дайте им альтернативу. Радостную, светлую. Пусть услышат шорох листьев, журчание ручья. Миллионные тиражи? Что поделаешь — деньги... А Вы попробуйте предложить что-нибудь взамен. Только зачем вступать в борьбу с ветряными мельницами и расходовать последние силы? Мы ведь призваны к радости...»

Это мог сказать чиновник из нынешнего Министерства культуры, правозащитник или женщина, которая проводит полжизни в салоне красоты и знает, что огорчения прибавляют морщин. А сказал священник, приехавший из сибирской глубинки, которого мы встретили на одной православной конференции. Тот же сторонник «терапии радостью».

Спросим себя: что общего в вышеописанных эпизодах, кроме призывов радоваться тогда, когда ситуация, мягко говоря, к этому не располагает? А то, что в них исключена борьба. Исключено противодействие злу. И даже напоминание о зле — не каком-то абстрактном, далёком, а близком и конкретном — расценивается как бестактность. Бывает, заговоришь о некоем явлении, с которым, казалось бы, невозможно смириться.

И слышишь в ответ: «Давайте не будем о плохом. Ведь мы в таком месте... в такой день... мы же не для того тут собрались...». Но в другом месте, в другой день и для того люди, которые это говорят, вообще не собираются. Не хотят они ничего слышать о неприятном. Как ребёнок не хочет вылезать из-под тёплого одеяла и по морозу в полутьме тащиться в школу.

Увы, описанный выше симптом сегодня широко распространён. Не избежала его и церковная среда. (Хотя, конечно, активно противодействующих злу людей здесь гораздо больше, чем где бы то ни было.) В последние годы наметилась даже некоторая весьма опасная тенденция к сорадованию с теми, кому церковь должна была бы противостоять или от кого, по крайней мере, ей следовало бы держаться подальше.

Одним из наиболее ярких примеров радостного содружества стали антиспидовские семинары для священников и миссионеров.

На одном из них православные батюшки знакомились с тренингами, кочующими из одной «профилактической» программы в другую. Например, с упражнением «Степной огонь», которое якобы предупреждает «чуму XX века». Участники должны прикоснуться друг к другу. Эти прикосновения, по условиям тренинга, символизируют половой контакт. А потом каждый «контактёр» вытягивает жребий в виде свёрнутой бумажки, на которой написано, заразился он СПИДом или нет. Кто не заразился, радуется. На «круглом столе», посвящённом роли православной церкви в борьбе со СПИДом, новосибирский педагог Н.Г. Щетилова возмутилась подобными тренировками: «Это же форменная провокация! — сказала она. — Дети примеряют на себя сперва роль развратников, а потом — смертельно больных. Да ещё в такой растормаживающей, возбуждающей обстановке. Вы понимаете, какой удар наносится по детской психике?»

И в ответ услышала, что она излишне подозрительна, придирается к нормальной детской игре (как будто речь шла об игре в салочки). И вообще, у неё мрачный, нехристианский взгляд на жизнь, мало любви и радости.

От социалистического реализма к глобалистическому

Но если христиане призваны исключительно к радости, то почему Христос плакал о Иерусалиме (Лк. 19:41)? И предре-

кал такие печальные, такие страшные события? «Ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне» (Лк. 19:43-44).

Причём сказано это было в момент радостного ликования, после того, как Спасителя, въехавшего в Иерусалим, толпа встретила криками «Осанна!» И вот — не побоялся испортить людям настроение, не побоялся, что Его упрекнут — не знаем, как это звучало по-древнееврейски — в «пессимизме» и «алармизме».

Да и грозные слова из Евангелия от Матфея рисуют нам картину, далёкую от радостного семейного консенсуса. «Не думайте, что Я принес мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более нежеля Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более нежеля Меня, тот недостоин Меня; и кто не берёт креста своего и следует за Мной, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережет её» (Мф. 10: 34-39).

Так что, может, завет апостола Павла «всегда радуйтесь» (1 Фес. 5:16) — это о какой-то другой радости? Не о той, когда чуждые по духу родственники сообща смакуют вкусный обед?

«Если любить ближнего для себя, надо желать исполнения хотений своей плотской воли, — писала известная подвижница второй половины XIX века игумения Арсения. — Если любить его ради самого, надо исполнять его волю, его желания. А если любить ближнего ради Господа, то надо стремиться и в отношении его исполнять волю Божию и ходить непорочно в оправданиях Его. Будем любить ближнего ради Господа» («Игумения Арсения», изд-во Сретенского монастыря, М., 2004, стр.326).

Фактически, нынешние идеологи не омрачаемой конфликтами радости призывают ко второму виду любви (любить ближнего ради него самого). Но преподносится это как истинное христианство. А третий вариант (любить ближнего ради Господа) выдают за первый — «любить для себя» — и называют ханжеством, неофитством и эгоизмом. Дескать, с какой стати вы портите родственникам настроение? Почему они должны плясать под вашу дудку? У них свой путь, свой выбор (иногда ещё говорят «свои отношения с Богом»).

Хотя из эгоистических соображений воцерковившейся женщине куда проще не ссориться с невоцерковлёнными родственниками, не трепать себе нервы. Проявлением эгоизма была бы как раз безмятежность в то время, когда самые близкие тебе люди упорствуют в погибельных страстях. Вряд ли даже самый либеральный врач призвал бы мать к радостному потаканию сыну, который, заболев панкреатитом, не хочет соблюдать диету и пить лекарства, а требует любимых чипсов, жареной картошки и копчёной колбасы.

Твой ребёнок, твой муж или твой отец сделали свой «свободный выбор». Они, вопреки Моисею, предложившему жизнь (Вт. 30:15), выбрали духовную смерть. А ты не смей их отговаривать и только радуйся, что сама обрела Бога. Глядишь — и они захотят приобщиться. Ну, а если нет — на все воля Божия. Кто ты такая, чтобы вмешиваться в Божественный промысел?

Получается, надо подражать Каину? Нет, не во всём, конечно. Но ведь первый в мире человекоубийца был и первым поборником «свободного выбора». «Разве я сторож брату моему?» — ответил он Господу на вопрос «Где брат твой Авель?». Это, мол, его личное дело, его право.

Ну, положим, Каин изображал равнодушие к судьбе брата, чтобы отвести от себя подозрения. В этом была пускай недальновидная (ведь Бог всеведущ), но логика. Только нам-то зачем эту логику перенимать? Неужели не ясно, что позиция «молчи, не суйся» всё больше загоняет христиан в угол? Тем, кто в этом сомневается, полезно посмотреть на более «авангардную» Европу. Наверное, есть особый промысел Божий в том, что Европа уже являет нам некоторые итоги такого радостного невмешательства.

Началось с запрещения исполнять в государственных школах рождественские гимны и песни (это же оскорбляет чувства нехристиан!). Очень скоро запрет коснулся и молчаливого напоминания о Христе: слышались требования убрать христианскую символику даже — несмотря на коммерческий интерес — с витрин, где обычно чуть ли не за полтора месяца ставился рождественский вертеп и зажигалась вифлеемская звезда. А теперь и само Рождество собираются переименовать в Праздник подарков Санта-Клауса.

Сторонники «радости-во-что-бы-то-ни-стало», наверное, и тут порекомендуют не омрачаться, не ломать копыя, а вспомнить, что это в конце концов пустые формальности. Главное — нравственное самосовершенствование. Но вот какую интересную подробность сообщает нам большой знаток истории масонства Б. Башилов (литературный псевдоним М.А. Поморцева, знаменитого исторического писателя и политического публициста русской эмиграции): «Члены лож, входивших в систему английского (иоанновского) масонства, притягивали к себе людей, склонных к мечтательству. Лозунг английского масонства — «Сейте семена царского света». Масоны английской системы верили и проповедовали сами, что стоит каждому заняться совершенствованием своей личности, как на земле возникнет земной рай» (Б. Башилов «История масонства», Лепта-пресс, 2004, стр. 347). Вот, оказывается, где истоки теории непротивления злу насилием. Теории, которая, собственно говоря, лежит в основе радостной толерантности, усиленно насаждаемой сегодня в православной среде.

Когда осмысливаешь это, становится особенно ясно, какое лукавство проявляют одни и недопонимание другие, цитируя

именно в «непротивленческом» контексте поучение преподобного Серафима Саровского «стяжи Духа Святаго, и тысячи вокруг тебя спасутся». Подразумевается, что надо спасаться самому, тогда и другим будет лучше.

Да, конечно, христианин должен прежде всего видеть с во и грехи и одолевая с во и страсти. Но обычный человек не монах, отрекшийся от мира, чтобы в уединении молиться за весь мир. У каждого мирянина есть обязанности: родственные, профессиональные, общественные, от правильного выполнения которых во многом и зависит наше личное спасение. Не надо забывать, что православная личность — это личность соборная, а не атомизированная, отделённая от ближних.

Как может спастись мать, которая не противится тому, что её ребёнок играет в компьютерные игры, разжигающие злобу и наполняющие фантазию демоническими образами? Или хамит, копируя уголовников?

«Чем ты в конце концов оправдаешься? Не предоставил ли Я, сказано будет тебе (Богом), дитяти жить с тобой с самого начала? Я поставил тебя над ним (дитятей) в качестве учителя, наставника, опекуна и начальника — всю власть над ним не отдал ли Я в твои руки? Не повелел ли Я его, такого нежного, обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправдание, если с беспечностью смотрел на его прыжки? Что ты скажешь? Что он разнуздан и неукротим? Но тебе нужно было глядеть на все это сначала — обуздывать его, когда он был молод и доступен узде; тщательно его приучать, направлять к должному, укрощать его душевные порывы, когда он был восприимчивее к воздействию; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче, — вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились и не сделались неисправимыми», — говорит св. Иоанн Златоуст («Как воспитать ребёнка православным», «Дарь», М., 2005, стр. 68).

И добавляет: «Как никто не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных грехах, так нет оправдания родителям в грехах детей» (там же, стр. 69).

А люди, уверяющие в нынешней критической ситуации, когда само существование России может быть поставлено под угрозу, что православным не следует интересоваться политикой, что они скажут на Страшном Суде предкам, положившим живот за Отечество, и потомкам, у которых с распадом страны будет отнято Богом данное пространство спасения? Что они хотели держаться подальше от «всей этой грязи», которая омрачала их радость?

Мы много раз замечали, что когда обдумываешь ту или иную тему и начинаешь писать, Господь посылает то, что в журналистике называется «фактурой». Из письма преподобного Никона Оптинского, рассказывающего о том, как он навещал родных: «Чувствую себя как-то грустно. Никогда я не чувствовал себя таким чужим в своей семье, как этот раз... нет отклика моему настроению в окружающих. Мне кажется, я ещё никогда не слышал и не участвовал в таких разговорах, какие я слышу (письмо написано в 1926 году, когда молодая Советская власть уже уверенно формировала новый жизненный уклад. — *Прим. авт.*). Костюмы женщин и дома, и в церквях, и на улице — возмутительны. У детей совсем не детские разговоры. Родные по плоти — чужды по духу» («Оптинский календарь» 2005 г., изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, М., 2004, стр. 244).

Интересно, какие советы иеромонаху Никону мог быть дать психолог, о котором мы говорили в начале статьи? Чем порадоваться вместе со сродниками, отринувшими Христа и вступившими на путь построения коммунистического рая?

А вот современное свидетельство. Из книги о. Алексея Мороза «Верой и молитвой». Повествуя о священнике Василии Лесняке, практиковавшем эк-

зорцизм, автор приводит такие его слова: «Были моменты, когда хотелось бросить всё. Хотелось спокойно служить литургию, наслаждаться молитвенным общением с Богом, общаться с нормальными людьми — забыть мерзких бесов и прямую войну с ними. Но приходили несчастные, лили слёзы и просили о помощи их матери, родственники, друзья, и не выдерживало сердце горя людского, и снова начиналась отчитка» (Санкт-Петербург, изд. дом «Нева», М., «Олма-пресс», 2003 г., стр. 121).

То есть даже литургическая радость — не чета радости от совместного обеда! — не может в совестливом сердце заглушить печали о погибающих душах. Печали и стремления помочь им спастись. «Скорбь — одно из наиболее частых проявлений любви», — отмечал святитель Николай Сербский. Моги отец блудного сына, пока сын блуждал, целиком отдаться чувству радости? Хотя наверное он время от времени чему-то радовался...

А модная нынче бесконфликтность или, как ещё говорят, «позитивное мышление» — это лукавая уловка, которая фактически табуирует критику утверждаемого порядка вещей и в итоге делает сердца слепыми и глухими, лишает его, по выражению И. Ильина, «совестной впечатлительности».

Главное, всё это в нашей недавней истории уже было и называлось социалистическим реализмом. Всерьёз критиковать советскую действительность было нельзя, право на существование имел только один конфликт — «хорошего с лучшим». Разница лишь в том, что «глобалистический реализм» открыто провозгласил бесконфликтность. В этом смысле симптоматична трансформация, произошедшая с нашими либералами буквально за каких-нибудь 10 лет. В начале 90-х они отказывались признавать, что на солнце перестроечной свободы есть пятна зла. Ответ был один: «Всё плохое — наследие социализма». Теперь, когда, обладая даже очень большим нахальством, невозможно всё списать на «проклятую Совдепию», ответ иной: «Не будем о грустном». Поразительно! Те, кто громче всех возмущался советской лакировкой действительности, теперь с пеной у рта защищают радостно-гламурное мировосприятие («гламур» в переводе на русский не что иное, как глянec, всё та же лакировка).

Впрочем, поражаться особо нечему. На духовной родине наших свободолюбцев, в Америке, позитивное мышление уже чуть ли не вменяется в обязанность. Страна не первый год воюет, терпит большие потери, переживает одну за другой катастрофы. Но новости отрицательного содержания (например, о реальном количестве американских солдат, погибших в Ираке) строжайшим образом цензурируются. Ничто не должно омрачать радости жизни, наслаждения земным раем. Как сказала одна приехавшая на побывку эмигрантка, живущая в Штатах: «Нам не рекомендуют участвовать в разговорах о политике. Они могут вызвать депрессию».

Два вида радости

Размышляя на тему радости, мы решили заглянуть в словарь Даля. Вдруг обнаружим там какие-нибудь любопытные нюансы? И обнаружили. С одной стороны, слова с корнем «рад» обозначают веселье, усладу, наслаждение. А с другой — усердие, старание, радение. «Радить» или «радеть» — печься, заботиться, желать и хлопотать радушно, всей душой. «Быть раду» — желать чего-то горячо.

В общем, это не только кайф, связанный с чувством расслабленности, но и активная устремлённость к каким-то благим целям, которых невозможно достичь без преодоления препятствий. А если ещё вспомнить, что тот же корень содержится в слове «радуга» и что радуга — символ завета человека с Богом, система координат добра и зла становится очевидной. По крайней мере, для христиан.

И опять-таки, будто по заказу, в памяти всплыла «фактура» — две иллюстрации, два примера двух видов радости.

Шёл 1994 год. Страна пребывала в состоянии затянувшегося шока. Кто-то не мог без валидола ходить в магазин и видеть стремительный рост цен. Кто-то спивался или сходил с ума, не в силах вписаться в эту новую, пошлую, подлую, хамскую жизнь. Кто-то переживал как личную катастрофу развал науки, культуры, армии, страны. Кто-то из москвичей перестал спать по ночам, потому что в ушах непрощенно грохотала расстрельная канонада на площади, новое название которой — «Площадь свободной России», — теперь, после кровавых событий 93-го, казалось вызывающе-глумливым. В общем, времена были не из лёгких, и люди бурно обсуждали, каждый на своём уровне и соответственно своим претензиям, эти ударившие по ним времена, потому что осмыслить происшедшее в одиночку было не под силу.

И вот в этом кратко обрисованном нами историческом антураже праздновался юбилей одного старого популярного женского журнала. Мы тогда были его постоянными авторами и, соответственно, нас пригласили на праздничный пир. Пир, прямо скажем, во время чумы. Особенно если учесть, что происходило это не в редакции, а в дорогом ресторане гостиницы «Россия». Тем не менее, мы посчитали неэтичным противопоставлять себя коллективу и пришли. Одна из сотрудниц редакции, исполняя роль распорядителя праздника, сформировала наш столик по профессиональному признаку. Мы оказались рядом с довольно известным психологом, которая была автором многих научных работ по проблемам семьи и детей. А нас тогда уже очень интересовала взаимосвязь культуры и психики, и мы завели разговор об отрицательном влиянии западных этических эталонов на российское общество. Мол, подтверждают ли Ваши научные исследования наши практические наблюдения?

Дама поморщилась, как будто съела аскорбинку без сахара. Но тут же прогнала с лица неприятную гримасу и, лучезарно

улыбнувшись, сказала: «Коллеги, ну к чему нам эти тоскливые разговоры? Будем радоваться, веселиться. Посмотрите, какие чудненькие салатки у нас на столе. И всё так чудненько...» (Когда мы впоследствии узнали, что любительница салатиков активно включилась в сексуальное просвещение российских школьников, нас это несколько не удивило.)

А через пару недель была первая годовщина страшных событий 93-го года. И нам попало на глаза стихотворение другой известной женщины, поэтессы Татьяны Глушковой. Она была из тех, кто переживал расстрел Белого дома как свою личную трагедию. Но в её стихотворении речь тоже шла о радости.

Просохнет кровь. Отступят злые беды.
Как лес, взлетят фанфары, золотясь.
По Лучшей Площади пройдёт

Парад Победы — как в прежний раз.
Как в незабвенный раз.

То будет день пасхальный, Красной Горки
иль Троицы... Поутру... По весне...
Как маршал Жуков, сам Святой Георгий
проскачет на танцующем коне.

И у Кремля заплещутся сирени,
смывая прах поверженных знамен.

А мы, — не плачь, — мы будем

только тени,

Из Смутных залетевшие времён...

Правда же, это совсем другая радость? Радость победы, добытой в очень тяжкой борьбе. Именно такой радостью светились и продолжают светиться лица всенародно известных старцев.

И хотя статья наша называется «Критика чистой радости» (шутливый парафраз «Критики чистого разума» немецкого философа Иммануила Канта), читатель, наверное, понял, что мы имели в виду легкомысленное равнодушие, а вовсе не «чистую радость об обретённом Господе», которая как раз и даёт силы противоборствовать миру сему, отвоёвывая у него души близких для мира Божия. **НО**